

## КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 342

### ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТЫ И ПРЕДЕЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ  
(Полоцкий государственный университет)

*Рассматриваются особенности различения предмета и объекта конституционно-правового регулирования. Определены объекты по Конституции Республики Беларусь в связи со спецификой соответствующих групп общественных отношений. Изложены основные научные подходы по данной проблематике. Показано, в силу каких причин объём и полнота регулирования со стороны основного закона могут различаться в разных странах; почему в современных условиях проблема имеет большое практическое значение ввиду активной деятельности конституционных судов. Раскрывается история вопроса о модификациях объекта конституционно-правового регулирования в контексте действия «инструментальных» и «социальных» конституций. Выделены важнейшие факторы, определяющие пределы конституционного регулирования в современных условиях.*

**Введение.** В теории права под предметом понимается то, на что направлено какое-либо действие. Это всегда социальные явления, на которые воздействует право с целью их преобразования. Но предметом правового регулирования выступает не поведение человека вообще и даже не какие-либо отношения между индивидами. Дело в том, что значительная часть действий человека не регулируется напрямую правом и поэтому остаётся за пределами его воздействия. Речь идёт о лично-бытовых сферах, интеллектуальной, мыслительной и психической деятельности человека. Во всех этих случаях «человек реализует собственные интересы, знания, умения, способности, не вторгаясь в сферу интересов иных лиц, государства и общества в целом. Он действует как бы в одиночестве, дистанцируясь от общества и его членов» [1, с. 153]. Здесь может не быть и вовсе юридического регулирования, т.е. речь идёт о сферах, которые *правом регулируются лишь отчасти* (например, отрасли гражданского и брачно-семейного права). Но это область частноправовых отношений. В публичном же праве, куда относится и конституционное, субъекты своими действиями вторгаются в сферы интересов других лиц, общества или государства. Именно здесь взаимодействуют и соперничают участники политического процесса, решаются вопросы власти.

**Основная часть.** Ни в одном обществе отношения такого рода не остаются без внимания со стороны государства, а в современных условиях основным средством согласования таких противоречивых интересов субъектов, обеспечения их взаимоотношений на ненасильственных и справедливых началах и является право. Причём основные «правила игры» фиксируются в конституции. Её нормы регулируют не просто деятельность, а прежде всего социальные связи между людьми, порождённые их деятельностью. Если систему общественных отношений подразделить на три большие сферы: политическую, экономическую и социальную, то именно политическая является самой значимой предметной деятельностью.

Посредством политического инструментария находящиеся у власти могут реализовывать свои устремления во всех остальных областях: национализировать либо приватизировать промышленность; устанавливать либо отменять смертную казнь; регулировать деторождение; запрещать либо разрешать многопартийность; решать языковые, национальные, межэтнические проблемы; менять одну форму правления на другую и т.п. И очень часто все эти важнейшие акции сопровождаются предшествующими, сопутствующими или последующими конституционными реформами. Даже при авторитарном правлении власть держащим нелегко отважиться на откровенный произвол, поэтому и для них так важны легализация и легитимация. Наиболее простой способ легализации – «узаконить» себя через принятие и изменение конституции, чтобы потом попытаться легитимироваться в глазах населения с позиций правильности и справедливости относительно проводимой политики. Чем чаще власть апеллирует к конституции, тем явственней она стремится получить моральную поддержку населения. Поэтому политики должны чётко представлять, о чём говорит конституция (*предмет регулирования*), какие группы отношений она затрагивает (*объекты регулирования*), возможности «вторжения» в регулируемые сферы (*пределы регулирования*).

Следует помнить, что конституционное право регулирует не все, а лишь наиболее принципиальные с точки зрения интересов государства отношения, и притом такие, которые объективно нуждаются в соответствующем опосредовании и поддаются внешнему контролю. Даже самые бесчеловечные социалистические тоталитарные режимы (сталинизм, нацизм, маоизм и пр.) не смогли добиться 100-процентной юридической регламентации общественной жизни, хотя всячески к этому стремились. Правда, ввиду дек-

ларативности и фиктивности большинства недемократических конституций власть не особо задумывалась над тем, что должно быть записано в основном законе, так как исполнять написанное было необязательно. В западных демократиях дело обстоит иначе. За каждое слово конституции власть отвечает, и поэтому для неё чрезвычайно важно, на что направлено её действие.

В отечественной литературе, как правило, речь идёт о предмете регулирования со стороны конституционного права в целом (а не только его основного источника – конституции). Однако понятно, что всё содержание обширной отрасли конституционного права невозможно отразить в формате одного документа, и поэтому важно различать пределы регулирования со стороны всей отрасли конституционного права и предмет регулирования собственно конституции. Предмет регулирования во втором случае всегда будет уже, чем в первом. Как пишет В.Е. Чиркин: «Объект регулирования конституции и конституционного права в принципе, конечно, совпадают, поскольку основные параметры конституционного права заданы конституцией, хотя объём регулирования неодинаков: конституционное право зачастую имеет место с такими деталями, которых конституция не касается» [2, с. 5].

Предмет конституционного регулирования в рассматриваемом случае – это всё то, что подпадает под действие основного закона. Границы такого регулирования можно назвать юридическим пространством основного закона. За его пределами находятся конституционно-правовые нормы, закреплённые в иных нормативных актах. Следовательно, у конституции особый предмет регулирования, что предопределяется спецификой того слоя общественных отношений, на которые она воздействует и закрепляет. Такое воздействие отличается всеохватывающим характером, что не свойственно никакому другому нормативному правовому акту, так как в конституции закрепляются основы всего государственно-правового уклада страны. Более детально о разграничении предмета регулирования со стороны конституционного права в целом и собственно конституции будет рассмотрено в рамках проблемы границ конституционного регулирования.

Необходимо отличать понятия «предмет» и «объект» конституционного права. Под объектами конституционного регулирования принято понимать группы общественных отношений, которые подпадают под воздействие основного закона. Следует исходить из того, что большинство конституций затрагивают все сферы жизни общества – политическую, экономическую, социальную, духовную, регулируя в них фундаментальные основы общественных отношений. Объект конституции – это материальная либо духовная реальность, по поводу которой между субъектами складываются отношения, регулируемые основным законом.

В белорусской Конституции просматривается широкий подход к объекту конституционного регулирования. Самый простой вариант с определением объектов состоит по существу в перечислении разделов Конституции. Но можно выйти и на некоторый уровень обобщения. В таком случае следует говорить о трёх объектах конституционного регулирования, которые представлены соответствующими группами общественных отношений. Это, безусловно, основы конституционного строя, правового статуса гражданина, организации государства и государственной власти. Ещё раз подчеркнём, что конституция не может и не должна вмещать в себя всё содержание конституционного права и поэтому в ней содержатся только «основы основ» [3, с. 74], но это именно те ценности, которые наиболее важны для нашей страны.

Представленный подход обусловлен спецификой белорусского государства. Например, ввиду закреплённого принципа унитаризма в Основном Законе не выделяется особый блок, связанный с государственно-территориальным устройством. Но если же государство федеративное (Индия, Россия, ФРГ, США), то вопрос о структуре и соотношении федеральной власти и власти субъектов федерации составляет важнейшее содержание конституции.

Объектами регулирования со стороны конституции могут являться вопросы, связанные с реализацией внешнеполитической функции государства, его международно-правовой позицией. Практически все конституции содержат статьи о порядке её изменения и дополнения, что, по мнению М.Ф. Чудакова [4, с. 135], можно рассматривать как объект конституционного регулирования.

Указанные подходы *статичны* по своей сути, и поэтому в современной литературе высказываются предположения, что статичный подход должен быть дополнен своего рода *динамикой*, «т.е. выявлением характера прямых и обратных связей (конституционное регулирование и реакция на него), указанием на основную цель этих связей (установление правовых основ для создания и распределения общественных ценностей) и на элементы (компоненты), между которыми они складываются (человек, коллективы, государство и общество)» [3, с. 74]. Такой подход усложняет понимание, но является более всесторонним. Его авторы, Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин, видят в конституции прежде всего основы прямых и обратных взаимосвязей по линии индивид – коллектив – государство – общество, развивающиеся при сотрудничестве и соизмерительности различных социальных сил.

На динамике, а не на статике, структурирован предмет правового регулирования в изложении Н.И. Матузова [5, с. 353]. Если экстраполировать его взгляды на сферу конституционного регулирования, то в качестве объектов надлежит рассматривать следующие элементы: а) субъектов; б) их поведение; в) объекты окружающего мира, по поводу которых субъекты вступают во взаимоотношения друг с другом;

г) социальные факты (события, обстоятельства), выступающие непосредственными причинами возникновения или прекращения соответствующих отношений. Этой конструкции, напоминающей структуру правоотношения, можно придать конституционно-правовую конкретику при соответствующей детализации предложенных компонентов.

Таким образом, специфика объекта конституционно-правового регулирования обусловлена не только политическими и историческими особенностями развития национальных правовых систем, но и различием в теоретических и методологических подходах учёных, занимающихся данной проблематикой. Некоторые из них виду своей неординарности заслуживают особого внимания.

В этой связи обратим внимание на оригинальную постановку проблемы современного российского автора К.В. Арановского [6, с. 141 – 144], который акцентированно препарирует фактор власти в отношении к государственному праву и нравственности.

В понимании учёного, составляющими государственно-правового регулирования являются, прежде всего, политическая власть, собственно право и та часть этики, которую занимает нравственность, притом, что идеология правового государства подразумевает различия власти и права, права и нравственности. Однако, настаивает автор, их социопсихические состояния имеют много общего, тогда как несовпадения между ними нередко просто предполагают, и выясняются они больше в деталях и условиях, чем в антропогенной природе. И причиной тому тот признак, что своим происхождением и существованием власть, право и нравственность обязаны психической деятельности человека. Поэтому и условные различия между ними выглядят слишком искусственными, чтобы считать их действительными.

Общее происхождение, подчёркивается далее, не отменяет того, что в основе мотивов отправления власти, права и нравственного поведения лежат неодинаковые психические составы, которые разнятся набором и соотношением вовлечённых в них суждений, образов, чувств и прочих переживаний.

Почему же К.В. Арановский считает необходимым учитывать такое соотношение? По его мнению, это нужно затем, чтобы понимать возможности и пределы государственно-правового регулирования, поскольку право, нравственность и власть, образуя разные явления одной действительности, составляют естественное соперничество и, с другой стороны, содержательно пересекаются, будучи объективно востребованными. Оставаясь в противоречии, они пользуются взаимной же поддержкой, образуют неразделимые составы, сложные, подвижные или устойчивые переживания, мотивируя юридически, политически и нравственно значимое поведение. Однако если обратиться к разнообразию объектов, составляющих содержание государственно-правовых отношений, неизменное присутствие власти в таком регулировании открывается с очевидностью. Именно власть образует предмет правопритязаний, полномочий, обязанностей, запретов, составляющих содержание государственно-правовых отношений, и выяснение её природы многое предопределяет в понимании соответствующего регулирования.

Объектом же государственно-правового регулирования К.В. Арановский считает реальность, по поводу которой отношения складываются. К таким реальностям он причисляет явления как материально-вещественные (территория, столица, деньги), так и психической, духовной, интеллектуальной действительности (власть, язык, чувства). Необходимо сказать, что учёный является разработчиком такой категории, как «конституционно-правовая традиция», которая составляет часть психосоциальной деятельности человека в национальной среде и не сводится к основному закону государства или совокупности норм, поставленных над обществом и обеспеченных принуждением. Именно в конституционно-правовой традиции наиболее полно учтены, по его мнению, поведенческая, смысловая, эмоциональная и нормативная стороны жизни права.

Объём и полнота регулирования со стороны основного закона по разным странам могут различаться. Более того, различие объекта регулирования со стороны отрасли конституционного права и собственно конституции бывает просто разительным. Поэтому важным вопросом является выяснение границ (пределов) конституционного регулирования, причин «узкого» либо «широкого» подхода к объектам регулирования со стороны собственно конституции.

В современных условиях проблема имеет большое практическое значение ввиду активной деятельности конституционных судов и необходимости выявления четких критериев в осуществлении судебного конституционного контроля (см., например, В.В. Бриксов [7, с. 98 – 104]). Правда, Конституционный Суд Республики Беларусь не реализует предписанную ему Основным Законом важнейшую нормоконтрольную функцию, занимаясь исключительно делами о предварительном контроле законопроектов по Декрету № 14 от 2008 года «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь».

Самые первые конституции в качестве объектов регулирования рассматривали два-три блока общественных отношений. Важнейшее место занимали нормы, касающиеся системы органов государственной власти, причём в актах «первого поколения» (США, Норвегия, Бельгия) объём материала, посвящённого государственному механизму, обычно превышал половину текста основного закона. Идеи народного представительства и разделения властей предполагали закрепление в конституции основных принципов формирования властей государства, их компетенцию и взаимоотношения между ними.

Доминирование такого блока отношений в качестве объекта не случайно. Как было подмечено К.В. Арановским, «основным объектом государственно-правовых отношений следует считать политическую власть, ибо каждый их участник имеет прямой или косвенный интерес, связанный с властью. Он заинтересован в применении власти определённым образом либо в том, чтобы по возможности оградиться от неё» [8, с. 19]. Основоположниками этого подхода следует считать представителей формально-юридической школы, которые главной сутью конституции видели регулирование отношений, связанных с организацией высшей государственной власти.

Такие конституции в зарубежной науке обычно называют «инструментальными», в отличие от «социальных» [3, с. 69], регулирующих многие вопросы общественного строя. Например, в Конституции США экономические и социальные отношения остались вне рамок конституционного регулирования, если не считать отношений собственности и отношений, связанных с финансовой системой государства. Конституция 1787 года с последующими поправками прежде всего регулировала вопросы государственности (основной текст), а затем – прав и свобод гражданина (поправки). Правда, необходимо учитывать тот факт, что в США действует большое количество иных актов конституционного права, регулирующих различные стороны жизни общества и многие социальные вопросы.

Рассмотренный «узкий» подход к объекту регулирования со стороны собственно конституции имеет своё объяснение. Сошлёмся на точку зрения, высказанную Ю.А. Юдиным и В.Е. Чиркиным [9, с. 51]. Дело в том, что в «старых» конституциях нашли отражение господствовавшие в XVIII – начале XIX века либеральные экономические и политико-правовые концепции, а экономический либерализм провозглашал невмешательство государства в экономические отношения, отводя ему роль «ночного сторожа». Концепция прав человека в её изначальном варианте обосновывала невмешательство государства в большинство сфер жизни общества. Согласно этой концепции основание права – это естественные права человека, которые принадлежат ему от рождения, а не дарованы государством. Их осуществление полностью зависит от воли человека и не требует каких-либо активных усилий со стороны государства, на которое конституция возлагает лишь одно обязательство (не вторгаться в сферу индивидуальной свободы гражданина) и одну обязанность (защищать его права).

Высказано также мнение, что в самых передовых государствах эпохи зарождающегося конституционализма человеческая свобода определялась как абсолют, «который покоится на вере, проявляясь лишь в частных, оставляющих недосказанность признаках и в указании на то, что ему противоречит. Англичанам, например, даже не понадобился каталог прав, чтобы выразить свободу. Её признают и так. В США поначалу тоже считали ненужным кодифицировать её, по крайней мере, в положениях федеральной конституции. Принятые двумя годами позже (1789) десять поправок, составившие Билль о правах, лишь в частных случаях обозначили конституционную свободу. Это можно понять, если свободу считать, безусловно, ценной, полагая важным только её безопасное (чтобы не опорочить и сберечь саму свободу) осуществление» [10, с. 450].

Обратим внимание и на трактовку Б.С. Эбзеева [11, с. 107], согласно которой завоевание буржуазией политической власти рассматривалось в качестве завершающего акта буржуазной революции, ибо капиталистический способ производства постепенно сложился в недрах феодального общества, и государство не было отягощено, во всяком случае, на первых этапах своего существования, необходимостью вторжения в сферу производственных отношений.

Сказанное имеет отношение к западноевропейским конституциям так называемого первого периода исторического развития, который можно очертить продолжительностью от момента появления этих конституций и до первой мировой войны. В страноведческом отношении это США (1787), Франция (1791), Норвегия (1814), Бельгия (1831), Люксембург (1868), Швейцария (1874), Австралия (1900). Но эволюция норм в блоке конституционного регулирования, касающегося систем органов государственной власти, конечно же, имела место. Общая тенденция верно подмечена В.В. Маклаковым: «В последующих актах этот объём относительно сокращается, но сам уровень регламентации и масштабы детализации в регулировании данного вида отношений постепенно возрастают. ...Наиболее рельефно эволюция в этом блоке регулирования проявилась в трёх направлениях: 1) упрочение исполнительной власти; 2) эволюция парламентской структуры; 3) развитие института конституционного контроля» [12, с. VIII].

Следует помнить о том, что США и Франция в эпоху раннего конституционализма выступали своеобразными «законодателями мод», им подражали и очень часто попросту копировали предложенные государственно-правовые модели. Соответственно, и доктринальные подходы учёных этих стран, и взгляды общественных и государственных деятелей всегда оказывали влияние на развитие различных национальных школ. Как подчёркивает А.С. Автономов, «отцы-основатели США были не только носителями европейской философской и правовой традиций, но и сами своими трудами сделали вклад в дальнейшее развитие этих традиций, поэтому опыт США оказал существенное влияние на становление и развитие практического конституционализма и дальнейшую эволюцию теоретического конституционализма

в различных странах» [13, с. 10]. С теоретическим наследием Франции всё намного сложнее из-за противоречивых оценок имевших место событий в конце XVIII века.

Во многом понятно, почему организации государственной власти в качестве объекта конституционно-правового регулирования придавалось такое значение. В США всегда считалось, что конституционное право в самом общем виде (оставляя детали административному праву) регулирует управление государством, отношения граждан и правительства. Иногда к этому добавляется, что данная отрасль определяет права и обязанности управляющих, т.е. лиц и органов, руководящих государством.

Несколько иные взгляды по вопросу о сути конституционного права существуют во Франции, что верно подмечено А.Л. Мавлододовой [14, с. 217]. Французская правовая доктрина на одно из первых мест в конституционном праве выдвигает политическую власть и политический режим, а нормы данной отрасли касаются, прежде всего, установления, передачи и осуществления государственной власти. Правда, более поздние авторы (второй половины XX века) повсеместно делают акцент на политический режим, причём они толкуют это понятие широко, часто включая многие институты общества. В таком случае конституционное право своим предметом имеет юридическое «обрамление» политических отношений, основное содержание которых составляет власть. По мнению Ю.А. Дмитриева [15, с. 16], причиной такого подхода является фактическое отсутствие во французской гуманитарной науке различий между конституционным правом и политологией. Это действительно так, достаточно ознакомиться с исследованием Ш. Дебаш и Ж.-М. Понтье «Уводзіны ў палітыку» [16].

Среди объектов конституционного регулирования сразу наметился блок, касающийся прав и свобод человека и гражданина. Буржуазная идеология всегда рассматривала учреждение конституций прежде всего для того, чтобы гарантировать охрану и защиту индивида от произвола государства. Именно высшая юридическая сила конституции призвана была обезопасить провозглашённые права и свободы (Американская Декларация 1776 года и Французская Декларация 1789 года) от возможного ущемления путём издания обычных законов и иных правовых актов.

По мнению К.В. Арановского, «конституционное право и сложилось-то, пожалуй, в ответ на притеснения человека властью. Об этом можно судить потому хотя бы, что основные конституционные права по большей части высказаны в ответ или в упреждение притязаниям власти на личную свободу и собственность» [10, с. 390]. Автор делает очень важное замечание, которое для российской и белорусской юридической науки является нехарактерным, но для западной мысли (Б. Рассел, М. Вебер, Р. Бендикс, К. Изард и др.) – концептуально оформленным. Речь идёт о влиянии протестантского религиозного фактора на сущность конституционной традиции. Отмечается, в частности, что «если выяснять опорные построения конституции, их нужно видеть в первую очередь в правах и свободах личности. В том, что они выражают суть конституционного права, выясняется участие, которое индивидуализм, протестантский по происхождению, принял в конституции. Именно у людей, понимающих индивидуализм неотъемлемой частью религиозного и общественного порядка, мог получить поддержку такой уклад, в основу которого положены права человека [...]. Напротив, другие религии позволяют верующим опираться на церковный авторитет и общину, называют путь к спасению в общем усилии под руководством религиозных и светских властей» [10, с. 211]. Действительно, можно вспомнить и тот факт, что «отцы-основатели» американской Конституции были протестантами.

Но рассматривать ли правовой статус личности первым блоком в системе конституционного регулирования, как это предлагает, например, В.В. Маклаков [17, с. 45]. Сами американские и французские конституционалисты, напомним, главной сутью основного закона считали группу отношений, связанных с организацией высшей государственной власти. Удачное объяснение обнаруживается у М.Ф. Чудакова: «Собственные права, свободы и обязанности интересуют людей больше, чем организация высшей власти, но государство принимает конституцию прежде всего для регулирования и закрепления власти. И поскольку права и свободы, как правило, являются производными власти (несмотря на теорию естественного права), они закрепляются как бы во вторую очередь» [4, с. 134]. Но в любом случае правовой статус как важнейший объект обязательно присутствует в основном законе всякой страны. Более того, положения по урегулированию отношений между государством и человеком, определению сферы свободы человека и границ невмешательства государства в частную жизнь постепенно становятся приоритетными в текстах поздних конституций.

В отношении прав и свобод как объектов конституционного регулирования В.В. Маклаков отмечает, что эволюция проходит по следующим направлениям: «Во-первых (и прежде всего), по пути расширения их круга, включения в текст конституции новых прав и свобод; во-вторых, по пути детализации, уточнения, более подробного регулирования ранее известных гражданских прав и свобод; в-третьих, по пути своего рода нивелировки, определённой унификации формулировок прав и свобод в конституциях различных стран. Появление какого-либо нового вида прав в одной стране рано или поздно влечёт появле-

ние такого же или подобного вида в другой. Понятно, что этот процесс имеет место при наличии сходных условий экономического и социального развития тех или иных зарубежных стран» [12, с. VII].

Однако общее направление в развитии прав и свобод в конституционном законодательстве носит противоречивый характер. С одной стороны, происходит заметное развитие и углубление содержания прав и свобод человека, появление их новых видов; с другой – «некоторые гражданские права и свободы, причём наиболее демократические, находившие своё место в документах первого периода, исчезают или почти полностью исчезли (например, право на восстание, на сопротивление угнетению). Одновременно обозначается тенденция, указывающая на происхождение многих прав и свобод: некоторые «новые» права и свободы хотя бы в самом общем виде находят своих предшественников в законах предыдущих периодов развития» [12, с. VI]. С нашей точки зрения, на пределы конституционного регулирования в данной сфере оказали влияние три важнейших фактора: 1) научно-технический прогресс (развитие средств коммуникации, медицинской науки); 2) появление в первой половине XX века первых социальных государств; 3) кошмарные итоги второй мировой войны и переосмысление человечеством большинства ценностей (особенно отметим создание ООН и принятие в 1948 году Всеобщей декларации прав человека).

Итак, первые («старые», «инструментальные») конституции традиционно включали положения об организации государственной власти и основных правах человека. Этот блок регулирования со стороны конституции и сейчас является необходимым, он присутствует в том или ином объёме во всех известных конституциях. Однако уже в начале XX века пределы регулирования изменяются, и особое значение приобретают вопросы социальной роли государства и организации (структурирования) самого общества.

Либеральная модель, выполнив свою миссию, постепенно становится архаичной. Она, например, непригодна для стран в стадии зарождения государственности и перехода к новому обществу. Так появляется патерналистская (этатистская) модель, которая характеризуется чрезмерным расширением предмета конституционного регулирования. Как отмечают Ю.А. Юдин и В.Е. Чиркин, «социальное содержание такой конституции составляют общественные отношения, определяющие все системы, подсистемы и элементы общества, образующие его политическую, экономическую, социальную, идеологическую (духовно-культурную) структуры» [9, с. 52]. Наступает эпоха воплощения социалистических иллюзий и прочих ментальных рудиментов...

Первой конституцией такого типа следует считать мексиканскую, принятую по итогам антифеодальной, антиклерикальной и антиимпериалистической народной революции 1910 – 1917 годов (январь 1917 г.). В ней регламентировались все основные вопросы не только государственной, но и общественной жизни (отношения собственности, аграрная сфера, труд, церковь, школьное дело, деятельность иностранных компаний и т.п.). Конституция Мексики на момент её принятия была наиболее радикально-прогрессивной из всех существовавших тогда в мире конституционных документов. Новаторскими можно считать следующие положения: «первоначальная собственность на земли и воды принадлежит государству, которое имело и имеет право передать их частным лицам, создавая тем самым частную собственность»; в целях «более справедливого распределения государственного имущества» должны осуществляться «необходимые меры» для раздробления латифундий; впервые в мировой истории была запрещена «монополистическая практика ограничения торговли»; признавалось право рабочих на 8-часовой рабочий день, особые условия труда для женщин и подростков, ежегодный отпуск, послеродовой отпуск для женщин, право рабочих на объединение в профсоюзы и проведение забастовки и т.п. [18, с. 484].

В этой конституции делается явный упор на «социальную справедливость», на «гармонию частных и общественных интересов», а поэтому и государство рассматривалось как основной инструмент сглаживания социальной напряжённости и конфликтов. И ещё одно важное замечание. Демократичная и прогрессивная по своей сути мексиканская «социальная» конституция способствовала формированию относительно стабильной и вместе с тем достаточно приспособленной к меняющимся условиям политической системы. В отличие от большинства латиноамериканских республик, уже с конца 20-х годов армия перестала оказывать непосредственное влияние на политическую жизнь, что позволило стране избежать столь обычных для континента военных мятежей и государственных переворотов.

Иной вариант «социальной» конституции предложила Европа. Если не брать в расчёт и детально анализировать Веймарскую Конституцию Германии 1919 года, в 1918 году была принята первая Конституция Советской России, которая оформила «государство диктатуры пролетариата» с безраздельной властью большевиков, стремившихся построить социалистический тоталитаризм. Предложенная конституционная модель основывалась на концепции «гипертрофированной роли государства как главного орудия строительства нового общества, что предопределяет тотальное государственное вмешательство во все общественные отношения, исключая саму возможность существования таких отношений, которые не организуются, не регулируются и не контролируются непосредственно государством» [9, с. 52]. Приведённая цитата Ю.А. Юдина о роли государства в Советской России очень созвучна главной идее и

цели фашизма с формулировкой Б. Муссолини в своей известной речи в Палате Депутатов итальянского парламента 26 мая 1927 года: «всё в государстве, ничего против государства и ничего вне государства». Конечно, тоталитарные системы во многом похожи, но здесь нужно сделать важную оговорку.

Первая Конституция РСФСР 1918 года принималась в период военного коммунизма, когда Россия находилась в тяжёлых условиях гражданской войны и иностранной интервенции, а в стране царила разруха. Как верно отметил Р. Давид: «работа, проделанная в период военного коммунизма, носит отпечаток чего-то нереального. Складывается впечатление, что хотели сразу перейти к коммунистическому обществу, минуя предсказанный Марксом социализм. В первой Конституции РСФСР 1918 года нет даже слова «государство». ...Однако более реалистично мыслящие руководители пришли к выводу о том, что коммунизма удастся достигнуть лишь в отдалённом будущем, и сосредоточили все усилия на создании и укреплении социалистического государства» [19, с. 130]. Только в начале 30-х годов И. Сталин придал советскому обществу его характерные черты, проведя тотальную коллективизацию и милитаризацию, создав тем самым тоталитарное государство, вся власть в котором была им бесконтрольно узурпирована. Как видим, взгляды фашистов и коммунистов на роль государства изначально очень сильно различались.

Можно ли говорить о сходстве двух «социальных» конституций: мексиканской и советской, например, «Сталинской» 1936 года? Между ними нет ничего общего. Мексиканская модель предполагала, прежде всего, социальный компромисс в обществе, плюрализм, бесконфликтность и отказ от насилия как средства решения проблем. В хвалёных советских конституциях блок экономических, социальных и культурных прав был вписан с явно пропагандистскими целями. Эти права были слабореализуемыми на практике, и их наличие в конституции вовсе не означало, что социалистическое государство стремится развиваться в соответствии с идеями социального государства и социальной справедливости. Разжигание классово-борьбы и массовый террор не имеют ничего общего с той концепцией социального государства, как это провозглашалось (и, главное, реализовывалось) в конституциях западных демократий.

Но и в наше время с основами социальной политики не всё просто. Как пишет Ф.А. фон Хайек, «разумеется, всевозможные современные авторитарные или диктаторские правительства не менее рьяно объявляют «социальную справедливость» своей главной целью» [20, с. 235] (Более детально см. также Р. Пайпса «Собственность и свобода» [21]). Однако нельзя отрицать и тот факт, что опыт «социализации» первых советских конституций был учтён во многих несоциалистических странах (особенно после второй мировой войны – ФРГ, Франции, Италии). Прав В.Е. Чиркин, когда говорит о том, что «отдельные из общечеловеческих ценностей нашего времени сложились и получили своё закрепление в конституциях демократических стран под известным влиянием формулировок основных законов социалистических государств» [22, с. 9].

Но такое расширение границ конституционного регулирования осуществлялось в разумных пределах, обеспечивающих нормальное саморазвитие общества и исключающих возможность чрезмерного вмешательства в него государства. Самым главным, считает М.Н. Марченко, «должен быть достигнутый в период действия той или иной конституции *жизненный уровень всего населения*, реальная обеспеченность, а не формальная декларативность зафиксированных в конституции социально-экономических прав и свобод» [23, с. 18]. Экономический потенциал европейских демократий позволяет предоставить индивиду ряд социальных благ в форме экономических, социальных и культурных ценностей, реализация которых, однако, невозможна без содействия государства. По мнению современных авторов, такое «регулирование общественных отношений, составляющих социальное содержание конституции, сочетает традиционный либерализм с умеренным этактистским началом» [9, с. 53]. В то же время О.В. Мартышин верно подмечает, что «в конституциях нет общих положений о методах осуществления социальных функций и о полномочиях государства в этой сфере» [24, с. 36]. К настоящему времени практически во всех зарубежных странах преобладает широкий подход к объекту конституционного регулирования, белорусский опыт также не является исключением.

В обобщённом виде С.А. Авакьян формулирует определяющие факторы в отношении предмета и пределов конституционного регулирования [25, с. 148 – 156]:

1) это политические воззрения на природу собственности, власти, назначение тех или иных её институтов. (Здесь учёный предлагает выделить группу факторов, напрямую связанных с социально-экономическим восприятием соответствующих институтов общества, их приемлемости либо неприемлемости. Вторая группа факторов обусловлена политико-правовой оценкой эффективности конкретных конституционных институтов, и социальный подход как бы отодвигается на второй план);

2) конституция в принципе должна соответствовать тем фактическим общественным отношениям, которые сложились в стране. Но тут «палка о двух концах». Для конституций нежелательны как отставание от общественного развития, так и забегание вперёд, включение в них норм, которые ещё не могут найти своей реализации;

3) нельзя игнорировать и такой фактор, как уровень общественного сознания. Это – своеобразная форма проверки жизнеспособности различных идей, проектов, решений, в том числе и конституционных. Не секрет, что подавляющее большинство граждан конституцию не только не читали, но даже и не держали в руках, однако могут проголосовать за неё на референдуме по принципу веры властям;

4) следует принимать в расчёт назначение конкретных конституций. Например, главной целью Конституции СССР 1924 года было оформление на конституционном уровне образования Союза ССР. Поэтому она практически не касалась общественного строя, прав и свобод граждан (Конституция же Беларуси 1994 года закрепила полноценные основы суверенности нашего государства, провозгласила внятные цели и приоритеты развития);

5) важнейшим фактором является воля и усмотрение органов и лиц, занимавшихся подготовкой проекта конституции, органа, принимающего её или утверждающего текст для вынесения на референдум. Здесь наиболее явно усматриваются субъективные предпочтения инициаторов и разработчиков основного закона;

6) наконец, на предмет и содержание конституции определённое влияние оказывают собственные свойства конституции как политико-правового документа. Ведь она, обращаясь к общественным отношениям, остаётся основным законом, который должен содержать необходимый минимум норм для того, чтобы выполнять своё социальное, политическое и государственно-правовое назначение. Здесь лишь напомним о проблеме соотношения «инструментального» и «социального» в содержании конституций, количественных и качественных характеристик объектов конституционного регулирования.

**Заключение.** Относительно предмета, объектов и пределов регулирования со стороны собственно конституции можно сказать следующее. Большинство современных конституций не ограничиваются регулированием только организации государственной власти, политических и гражданских прав человека, они охватывают достаточно широкий спектр общественных отношений. Но это не любые, а наиболее существенные общественные отношения, имеющие для страны принципиальное значение. Неизбежное расширение предмета конституционного регулирования не приводит, как показало развитие событий, к огосударствлению общества. Это стало возможным благодаря разумному сочетанию элементов конституционного правового государства и гражданского общества, демократических и социальных начал в их прогрессивной интерпретации и настойчивой практической реализации.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник для вузов / В.М. Сырых. – 5-е изд. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – 704 с.
2. Чиркин, В.Е. Об объекте конституционного регулирования / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 5 – 8.
3. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
4. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. пособие / М.Ф. Чудаков. – Минск: ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.
5. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.
6. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
7. Бриксов, В.В. Критерии конституционности объектов федерального судебного конституционного контроля: некоторые проблемы / В.В. Бриксов // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 98 – 104.
8. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран: учеб. пособие / К.В. Арановский. – М.: ИНФРА-М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.
9. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
10. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
11. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
12. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.
13. Автономов, А.С. Ценность Конституции / А.С. Автономов // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 5 – 11.

14. Мавлодова, А.Л. К вопросу о специфике объекта конституционно-правового регулирования в зарубежных странах / А.Л. Мавлодова // Проблемы и перспективы развития современных правовых систем: сб. ст. и тез. IV междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 – 25 апреля 2008 г.; редкол.: А.Л. Гавриков [и др.]. – М.: Издат. гр. «Юрист», 2008. – С. 216 – 217.
15. Дмитриев, Ю.А. К вопросу об определении предмета отрасли конституционного права / Ю.А. Дмитриев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 13 – 22.
16. Дэбаш, Шарль. Уводзіны ў палітыку / Шарль Дэбаш, Жан-Мары Пант'е; пер. з фр. А. Істоміна, С. Барысевіча, Ю. Жалезкі; пад рэд. І. Бабкова [і інш.]. – Мінск: ЭўроФорум, Беларускі Фонд Сораса, 1996. – 624 с.
17. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юрид. вузов. Т. 1 – 2. / Г.Н. Андреева [и др.]; под ред. Б.А. Страшуна. – М.: БЕК, 1996. – 778 с.
18. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 2. / О.А. Жидков, Н.А. Крашенникова. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – 712 с.
19. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
20. Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с. – Серия «Политическая наука».
21. Пайпс, Р. Собственность и свобода [Текст]: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Ричард Пайпс; [пер. с англ. Демида Васильева]. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
22. Чиркин, В.Е. Российская Конституция и международный опыт / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1998. – № 12. – С. 5 – 14.
23. Марченко, М.Н. Методологические аспекты познания Российских Конституций 1978 и 1993 гг.: сравнительный анализ / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2008. – № 12. – С. 15 – 23.
24. Мартышин, О.В. Идеино-политические основы современной российской государственности / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 31 – 37.
25. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс / С.А. Авакьян: в 2 т. Т. 1. – М.: Юристъ, 2005. – 719 с.

Поступила 03.09.2012

## SUBJECT, OBJECTS AND LIMITS OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION

A. PUGACHEV

*The features of distinction of a subject and object of constitutional and legal regulation are considered. Objects are determined by the Constitution of the Republic of Belarus in connection with specifics of the relevant groups of the public relations. The main scientific approaches on this perspective are stated. It is explained, owing to what reasons the volume and completeness of regulation from the basic law can differ in different countries. The historical background about the modifications of object of constitutional and legal regulation is revealed in the context of action of “tool” and “social” constitutions. The major factors defining limits of the constitutional regulation in modern conditions are allocated.*